

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ 1884-1917 ГГ.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

*К 135-летию Томского
государственного университета*

**ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ
КОРПУС РОССИЙСКИХ
УНИВЕРСИТЕТОВ**

1884–1917 гг.:

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Под редакцией М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых

УДК 94(47).083:378.4

ББК 74.58я2

П 84

Профессорско-преподавательский корпус российских
П 84 университетов. 1884 – 1917 гг.: Исследования и документы / Науч.
ред. М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. – Томск: Изд-во Том. ун-та,
2012. – 372 с.

ISBN 978-5-7511-2030-6

Сборник статей и документальных материалов посвящен профессорско-преподавательскому корпусу дореволюционных университетов Российской империи. Сборник состоит из двух разделов. Первый раздел представляет собой статьи современных отечественных историков из Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Йошкар-Олы, исследующих различные стороны профессиональной и общественной жизни представителей университетской профессорско-преподавательской корпорации России конца XIX – начала XX в. Во второй раздел включены тематические документальные материалы (правительственные документы, официальная переписка, отчеты, справки, протоколы заседаний, частные письма, воспоминания) по названной теме. Материалы сборника адресованы как профессиональным историкам, так и всем читателям, интересующимся прошлым отечественной высшей школы.

УДК 94(47).083:378.4

ББК 74.58я2

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-1850.2010.6

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
ЧАСТЬ I. ИССЛЕДОВАНИЯ	7
<i>Грибовский М.В.</i> Отечественные университеты на рубеже XIX–XX вв. как фактор модернизации России	9
<i>Никс Н.Н.</i> К вопросу о формировании гражданской идентичности российской профессуры второй половины XIX – начала XX в. (на примере Москвы)	19
<i>Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.</i> Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии	35
<i>Некрылов С.А., Фоминых С.Ф.</i> «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета)	51
<i>Дмитриев А.Н.</i> Заграничная "аспирантура" как институт подготовки российских профессоров накануне Первой мировой войны	65
<i>Лоскутова М.В.</i> Съезды русских естествоиспытателей и профессорско-преподавательский корпус университетов Российской Империи (1860-е – 1910-е гг.)	76
<i>Некрылов С.А.</i> Российские и международные научно-образовательные контакты профессоров и преподавателей как одна из форм организации научной работы и повышения преподавательской и научной квалификации (на примере Императорского Томского университета)	93
<i>Меркулов С.А.</i> Василий Васильевич Сапожников: академическая мобильность университетского преподавателя рубежа XIX–XX вв.	104
<i>Грибовский М.В.</i> Участие университетской профессуры в работе Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.)	115
<i>Маркин В.Л.</i> Причины создания и деятельность негосударственных высших учебных заведений в России в конце XIX – начале XX в. (на примере г. Москвы)	127
<i>Сорокин А.Н.</i> «Список лицам, служащим по Министерству народного просвещения» как источник по истории профессорско-преподавательского корпуса российских университетов в конце XIX – начале XX в.	136
Сведения об авторах	145
ЧАСТЬ II. ДОКУМЕНТЫ	147
<i>Раздел I. Профессорско-преподавательский корпус в учебном и научном процессе. Преподаватель и студент</i>	149

9. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Источники российской истории. М., 2000.
10. Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. СПб., 1998.
11. Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000.
12. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915.
13. Чичерин Б.Н. Воспоминания (Москва 1840-х годов.). М., 1991.
14. Каблуков Н.А. Автобиография // Памяти Н.А. Каблукова. М., 1925.
15. Вернадский В.И. Автобиография. М., 2001.
16. Чичерин Б.Н. Путешествие за границу. М., 1932.
17. Ковалевский М.М. Московский университет в 70–80-х гг. Личные воспоминания // Вестник Европы. 1910. № 5.
18. Вернадский В.И. Письма П.Е. Вернадской. 1886–1900. М., 1988. Т. 2.
19. Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х гг. СПб., 2003.

Е.А. Ростовцев, Д.А. Баринов

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КОРПОРАЦИЯ
СТОЛИЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА 1884–1916 гг.:
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРОБЛЕМЫ
КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ***

Коллективная биография университетских преподавателей дореволюционной России является одной из важных тем, находящихся в центре научных штудий современной историографии [1, с. 220–223; 2, р. 219–226; 3; 4, с. 183–221]. Среди тем, которые находятся в сфере внимания исследователей, численность преподавателей, образование, прохождение карьеры и социальное происхождение, этнорелигиозный состав. Изучение этой проблематики по отношению к академической коллегии столичного университета, игравшей особую роль не только в российской науке, но и в обществе, позволяет лучше понять жизненный мир и мотивацию преподавательской корпорации одного из крупнейших университетов Российской империи. В настоящей статье мы хотим лишь наметить некоторые черты и проблемы коллективной биографии преподавательского сообщества столичного университета.

*Статья подготовлена при поддержке Тематического плана НИР СПбГУ (№ 5.38.51.2011 «История Санкт-Петербургского университета в контексте истории российского государства и общества» № 5.39.144.2011 «История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве»).

Корпорация в 1884–1916 гг.: институциональная организация и состав

Для понимания организации «преподавательского мира» столичного университета, прежде всего, необходимо кратко напомнить институциональные особенности его устройства, связанные с положениями Университетского устава 1884 г. [5, стб. 985–1026] и дополненные Правилами 1905 г. [6, с. 658–659]. Основной структурной единицей в университете был факультет. Напомним, что в начале века университет делился на четыре факультета: историко-филологический, юридический, физико-математический и восточных языков. Факультетские советы состояли из профессоров, как читающих обязательные лекции на данном факультете, так и уже вышедших на пенсию (и могущих вообще не вести занятий), эти органы принимали все основные решения, связанные с внутрифаккультетской жизнью (избрание профессоров и приват-доцентов, оставление на факультете студентов, распределение специальных средств, изменение учебных планов, присвоение ученых степеней и т. п.), которые если и утверждались вышестоящими структурами, то в большинстве случаев формально.

Факультеты, в свою очередь, делились на отделения (разряды), каждый из которых имел собственные выработанные факультетом (утвержденные затем университетским советом и Министерством народного просвещения) учебные планы. Однако отделения факультета не являлись какими-либо административными или структурными единицами, условно объединяя не преподавателей, а студентов. Структурной ячейкой, которая объединяла преподавателей, была кафедра (количество и названия которых были закреплены в уставе). Между тем формально кафедра также не была административной единицей, скорее обозначая направление преподавания. Поэтому, например, один и тот же приват-доцент мог объявлять курсы по разным кафедрам. Кафедры не только не имели формальных заседаний и не принимали никаких решений, но и не имели даже формального руководителя, поскольку в некоторых случаях одну кафедру в полном соответствии с буквой Университетского устава замещали два (или более) равных по статусу профессора. Правда, в абсолютном большинстве случаев профессор на кафедре был один, и именно он на практике и принимал все важные решения, связанные с её работой.

Профессора составляли университетский (профессорский) Совет, который принимал все основные решения, связанные с жизнью университета. Во главе совета стоял назначенный министерством (а с 1905 г. – избранный) ректор из числа университетских профессоров. В обязанности ректора входило как руководство текущими делами университетской жизни, так и взаимодействие с другими учреждениями и Министерством народного просвещения, которому подчинялся университет. Напомним, что ректорами университета в этот период были профессора И.Е. Андреевский (1883–1887), М.И. Владиславлев (1887–1890), П.В. Никитин (1890–1897), А.Х. Гольмстен (1899–1903), А.М. Жданов (1903–1905), И.И. Боргман (1905–1910), Д.Д. Гримм (1910–1911) и Э.Д. Гримм (1911–1918), а время их ректорского служения пришлось на министров И.Д. Делянова (1882–1897), Н.П. Боголепова (1898–1901), П.С. Ванновского (1901–1902), Г.Э. Зенгера (1902–1904), В.Н. Глазова (1904–1905), И.И. Толстого (1905–1906), П.М. фон Кауфмана (1906–1909), А.Н. Шварца (1909–1910) и Л.А. Кассо (1910–1914), П.Н. Игнатъева (1914–1916), Н.К. Кульчицкого (1916–1917).

Согласно Уставу 1884 г. в состав факультетов С.-Петербургского университета входило 44 кафедры. При этом по факультетам они распределялись следующим образом: 1) историко-филологический – 10; 2) физико-математический – 11; 3) юридический – 13; 4) восточных языков (восточный) – 10. Университетский устав определял и количество ординарных и экстраординарных профессоров по факультетам: 1) историко-филологический – 12 ординарных профессоров, 5 экстраординарных и 4 лектора новых языков; 2) физико-математический – 12 ординарных профессоров, 5 экстраординарных; 3) юридический – 11 ординарных профессоров, 4 экстраординарных; 4) восточных языков (восточный) – 6 ординарных профессоров, 3 экстраординарных и 8 лекторов восточных языков [7, стб. 1001–1004]. При этом по количеству студентов на первом месте был юридический факультет (около половины всех студентов), на втором месте стоял физико-математический факультет (35–40%), на третьем – историко-филологический (7–9%) и на последнем восточный (1,5–3%) [8]. Таким образом, малолюдные факультеты, очевидно, оказывались в лучшем кадровом положении, чем многочисленные.

**Штатное расписание С.-Петербургского университета 1884 г.
Состав учебного персонала**

Наименование должностей	Назначено по штату
1 Профессоров богословия	1
Ординарных профессоров	41
Экстраординарных профессоров	17
Астроном-наблюдатель	1
Астроном-вычислитель	1
Прозектор	2
Помощники ректора	2
Лекторы новых языков	4
Лекторы восточных языков	8
Ассистенты старшие	23
Ассистенты младшие	20
Всего	120

Сост. по: Временный штат Императорских российских университетов, управляемых по общему для них уставу // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 год. Стлб. 1027–1030.

Из табл. 1 видно, что количество штатных единиц было несколько больше числа кафедр, поэтому университет имел возможность замещать некоторые кафедры несколькими профессорами. Например, на историко-филологическом факультете кафедра всеобщей истории традиционно замещалась тремя профессорами. Однако университет предпочитал не использовать все профессорские вакансии, часто ограничиваясь только решением задачи замещения освободившейся кафедры.

Как правило, университетские кафедры замещались ординарными или экстраординарными профессорами (или исполняющими должность [и. д.] ординарных или экстраординарных профессоров). Должность ординарного профессора могла быть занята после пребывания (не менее 2 лет) в должности экстраординарного (при освобождении штатной вакансии ординарного профессора). Приставка «исполняющий должность» означала, что профессор не имеет докторской степени. В очень редких случаях кафедры замещались «заслуженными профессорами», т. е. отслужившими 30 лет в профессорском звании, и получающими пенсию «внештатными профессорами», в исключительных случаях – «приват-доцентами, читающими обязательные курсы». Два последних варианта почти всегда были связаны с переходным состоянием кафедры от одного «полноценного профессора» к другому. При этом назначены по штату (штатное расписание утверждено еще в 1884 г. вместе с Уставом университетов) были соответственно 41 ординарный и 17 экстраординарных профессоров (табл. 1).

Статус «сверхштатного» профессор мог иметь по разным причинам (отсутствие вакансии штатного профессора, работа в другом учебном заведении и т. п.). Вне зависимости от своего статуса и степени реального участия в учебном процессе профессора составляли *университетский (профессорский) Совет*, где пользовались равными правами. На практике это приводило к тому, что примерно половина членов Совета пребывала в составе университета либо «вне штата», либо «сверх штата», а заседания профессорской коллегии часто проходили при минимальном кворуме. Проблема кворума в Совете столичного университета впервые была поставлена профессором Д.И. Менделеевым в заседании 17 декабря 1887 г., последовавшем за срывом заседания 20 ноября, когда на него явились только 37 членов Совета [9, с. 36–37]. Для решения этой проблемы понадобилось специальное постановление Государственного совета Империи (высочайше утвержденное в мае 1888 г.), согласно которому было подтверждено, что заседания университетских советов, проводимые в учебное время, требуют присутствия, по меньшей мере, половины наличного состава его членов, а на заседаниях, проводимых в каникулярное время, допускается наличие и меньшего числа членов. Однако эти последние собрания не обладали правом производства баллотировки на какие-либо должности и голосования по диссертациям [10, с. 3].

Напомним, что в социальном плане большинство преподавателей происходило из семей дворян и чиновников, в религиозном – из православных. Для примера укажем, что в 1910/11 учебном году из 304 человек учебного состава православные составляли 266, католики – 16, члены протестантских церквей – 35 человек, армяно-григориане – 3 человека, иудеи – 2 человека, мусульмане – 1 человек, буддисты – 1 человек. При этом среди университетской профессуры представителей нехристианских конфессий вовсе не было – 60 православных и по 6 протестантов и католиков. Таким образом, если в целом в учебном персонале представителей неправославного вероисповедания насчитывалось более 20 %, то в университетской элите (среди профессоров-членов Совета) – менее 10 % [11, с. 1–52]. Разумеется, эта ситуация, скорее, отражала правительственную политику и карьерно-профессиональные устремления этнорелигиозных групп российской интеллигенции, нежели фобии университетской элиты, в религиозном плане толерантной. Достаточно напом-

нить, что долгое время университет возглавляли поочередно два избранных ректора-лютеранина – два родных брата – историк Эрвин и историк-юрист Давид Гриммы. Более того, ряд членов корпорации (например, Н.Я. Марр и В.В. Бартольд) считали важной государственной задачей развитие национальных культур и религиозных традиций и указывали на это как на основание для своих научных занятий [12, р. 139]. Единственным исключением в этом смысле, пожалуй, можно считать отношение «патриотически настроенной» части профессуры по отношению к евреям [13, р. 246]. Эти фобии не носили в большинстве случаев идеологически антисемитского характера, а скорее отражали определенные предрасудки и настороженность российской интеллектуальной элиты в отношении чуждой в культурном и поведенческом отношении социальной группы [14]. Таким образом, религиозный и социальный состав преподавательской корпорации и учебного персонала Петербургского университета в целом был достаточно стабилен и однороден, а разделительная линия внутри корпорации (помимо отношения к различным политическим лагерям) проходила, скорее, по формальному признаку – между так называемыми старшими и младшими преподавателями.

Следует в связи с этим отметить, что наличный состав преподавателей за период действия Устава 1863 г. вырос на 85 % (с 60 до 111 человек) [15, с. 10, табл. 2]. Таким образом, к моменту введения нового устава и штатов 1884 г. университетская корпорация состояла из 83 штатных преподавателей: 40 профессоров (34 ординарных и 16 экстраординарных), 24 доцентов и 8 лекторов, а искомая цифра (111 человек) достигалась за счет сверхштатных должностей преподавателей и доцентов [16, с. 11]. За анализируемый период (с 1884 по 1916 г.) мы можем констатировать новый впечатляющий рост числа преподавателей – до 293 человек, т.е. на 163 %. При этом и с точки зрения обеспечения штатами положение принципиально изменилось: если до введения Устава 1884 г. большая часть преподавательского корпуса находилась в штате, что означало относительную материальную защищенность, право на выслугу пенсии, а также участие в академическом самоуправлении, то после 1884 г. абсолютное большинство преподавателей этих гарантий и прав уже не имело. Ниже мы рассмотрим, к каким последствиям такие перемены привели и какие изменения произошли в составе преподавательской коллегии, общая численность которой за период с 1884 по 1916 г. составила, по примерным оценкам, 587 человек.

Превратности уставных отношений: «старшие» и «младшие»

Как видно из рис. 1, рост достигался, главным образом, за счет той группы младших преподавателей, которая не получала фиксированного жалования, — количество приват-доцентов имело четкую тенденцию к увеличению от 36,2 (1886 г.) до 55,2 % (1905 г.) и до 68,3 % (1916 г.) от преподавательского состава. Еще более ярко эта тенденция проявляется в соотношении с численностью профессорского состава: если на начало 1884 г. приват-доценты составляли примерно 43 %, то на начало 1916 г. их стало уже 229 %. Надо учитывать, что количество профессоров, так же как и учебно-вспомогательного персонала, определялось штатным расписанием и имело лишь слабо заметный тренд в направлении увеличения (за счет сверхштатных должностей и увеличения числа «заслуженных профессоров»). Кстати, последнее обстоятельство вело к тому, что в составе учебного персонала учебно-вспомогательный персонал (без учета приват-доцентов) несколько сократился (с 19 в 1905 г. до 17 % в 1915 г.).

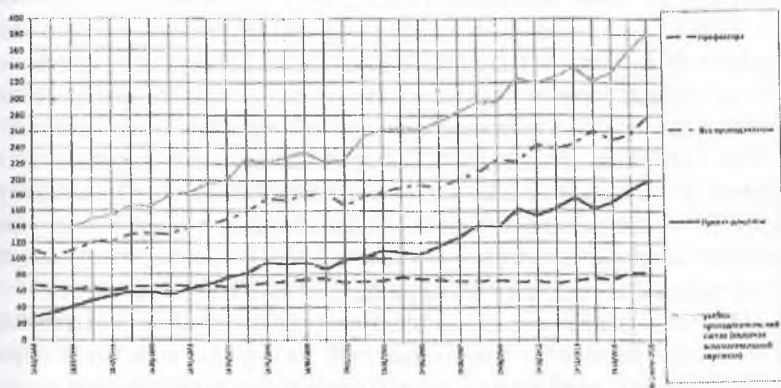

Рис. 1. Численность учебного персонала Петербургского университета

Сост. по: Отчеты о состоянии Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1916. СПб. [Пг.], 1884–1916.

Понятно, что в этих условиях доля штатных профессоров, в руках которых находились основные нити управления университетом, на протяжении рассматриваемого периода, напротив, сокращалась.

Так, если в 1884 г. по отношению ко всему учебному персоналу университета она составляла 43 %, то в 1905 г. – 18,7 %, а в 1916 г. – уже 11,2 %; по отношению к преподавательскому составу тенденция была еще более яркой: от 27,8 (1905 г.) до 14,6 % (1916 г.). Естественно, что в результате таких изменений постепенно увеличивалось соотношение тех членов университетской корпорации, которые имели право голоса в университетском Совете, к тем, кто его не имел. Так, если в 1886 г. из 139 человек, занятых в учебном процессе, его имели 63 (т.е. 45,3 %), то в 1905 г. из 225 человек им располагали 75 (33,3 %), а в 1915 г. из 314 человек – только 74 (23,5 %).

Итак, мы видим, что преподавательская корпорация университета институционально оказалась разделенной на две неравные части: меньшую – профессоров и большую – «младших преподавателей», число которых постоянно росло. Между тем рост преподавательской корпорации за счет «младших преподавателей» был обусловлен не только следствием роста числа «оставленных на факультете», но в ряде случаев и необходимостью. Дело в том, что количество студентов в начале века значительно выросло. Так, если в 1886 г. на одного университетского штатного профессора в среднем приходилось 37 студентов, то в 1905 г. – 92 студента, а в 1914 г. – уже 173 студента. В условиях предметной системы, когда студент был обязан прослушать определенное количество часов в год, приват-доценты не только «разгружали» профессоров, но и обеспечивали основной объем аудиторных занятий.

Если штатные профессора и лекторы университета получали законодательно зафиксированное вознаграждение (жалованье и «квартирные»), то оплата лекций и занятий сверхштатных и внештатных профессоров и приват-доцентов (не включенных в штатное расписание) определялась факультетами и утверждалась Советом университета.

При этом закрепленное университетским уставом и штатным расписанием разделение преподавателей на группы коренным образом сказывалось не только на формальном преподавательском статусе, но и на оплате труда. Действительно, проникновение в ряды преподавательской корпорации университета гарантировало обретение довольно высокого социального статуса, однако отнюдь не означало достижения достаточного материального благополучия. Размер заработка университетского преподавателя зависел от многих факторов: его статуса в университетской иерархии, популярности его лекций среди студентов, количества последних на том или ином факультете, программы факультетского преподавания (соотношения

числа обязательных и необязательных курсов, количества недельных часов, необходимых студентам для зачета полугодия, и т. п.). Как отмечено выше, постоянное гарантированное фиксированное жалование получали только штатные сотрудники университета, – ординарные профессора получали 3000 рублей в год, экстраординарные – 2000 рублей, лекторы иностранных и восточных языков по 1000 рублей. Впрочем, 10 представителей из числа профессуры одновременно замещали одну из дополнительных административных должностей (ректор, проректор, декан, секретарь факультета), которые давали дополнительно от 300 до 1500 рублей в год. С 1901 г. за исполнение должностей ректора и деканов столичного университета полагалась дополнительная оплата в размере соответственно 2000 и 600 рублей в год [17, с. 3–4]. Все остальные должности учреждались Советом университета и оплачивались особо из «специальных средств» (прежде всего, денег, собранных за обучение). Для некоторых приват-доцентов должность лаборанта или хранителя кабинета (которыми, согласно уставу, как правило, заведовали профессора) была не только и не столько «трамплином» для возможного попадания в профессорскую элиту, сколько источником гарантированного, пусть и скромного, дохода (600–800 руб. в год).

В то же время важнейшим источником дохода многих преподавателей была так называемая гонорарная система, связанная с получением денег за лекции и семинарские занятия непосредственно от студентов, которая гарантировала профессорам, лекторам и приват-доцентам, читающим обязательные курсы (а профессорские курсы являлись, как правило, таковыми), устойчивые денежные поступления. Естественно, что преимущество в этом имели те преподаватели, чьи курсы явились обязательными для максимального числа студентов, распределяемых внутри факультетов по отделениям. Поэтому материальное обеспечение сильно рознилось, если, например, некоторые преподаватели юридического факультета, имея иногда до тысячи записавшихся (при нескольких часах в неделю), при монополии на определенный курс обеспечивали себе гонорар в несколько тысяч рублей за семестр, то преподаватели восточного факультета, даже читая обязательные курсы по определенному отделению (разряду), могли при нескольких студентах и двух часах в неделю и получать гонорар в несколько рублей в семестр. Что касается дополнительно вознаграждения (кроме гонорара) приват-доцентов и профессоров, находящихся за штатом, то оно осуществлялась как из фиксиро-

ванной суммы, ассигнуемой Министерством народного просвещения по представлению университетов, так и из специальных сумм, распределяемых Советом университета, однако его конкретный размер в любом случае определялся (кроме, разумеется, общей суммы тех ресурсов, которыми располагал университет), прежде всего, позицией Совета профессоров факультетов: как правило, средний размер такого вознаграждения был небольшим и составлял 200–300 рублей за один годовой час (600–1200 рублей в год) [18, с. 153–154], при этом формально факультет, Совет университета и министерство могли и вовсе не выделять вознаграждения внештатным профессорам и приват-доцентам за чтение лекций [5], обязательной являлась только выплата гонорара. У ряда приват-доцентов гонорары могли быть весьма значительными – прежде всего, у тех, кто читал общие обязательные курсы. Например, приват-доцент А.С. Лаппо-Данилевский читал обязательный курс «Методологии истории» для исторического отделения историко-филологического факультета университета; это означало, что студенты были обязаны посещать (и платить гонорар) именно его занятия, поскольку никакой альтернативы курсу академика факультет не предоставлял. Однако в большинстве случаев приват-доцентские курсы не являлись обязательными, и приват-доцент получал от своей работы весьма небольшой доход, в особенности на малолюдных факультетах. По воспоминаниям И.Ю. Крачковского, впоследствии академика, а в начале века студента и приват-доцента Восточного факультета, «приват-доцентура далеко не обеспечивала даже скромных потребностей семейного человека» [19, с. 140]. Именно поэтому многие приват-доценты вынуждены были одновременно с работой в университете вести занятия в других высших и средних учебных заведениях столицы или давать частные уроки. Неудивительно, что при таком положении дел в большинстве российских университетов такое разделение преподавателей на «два сорта» породило в начале XX в. почти открытое противостояние между «старшими» и «младшими». Особую силу это противостояние имело в Московском университете, Совет которого, несмотря на требования младших преподавателей, решительно отказался от предоставления им права решающего голоса в университетской корпорации [20, л. 1–2; 21, л. 20–27; 22; 23].

В качестве примера напряженности внутрикорпоративных «отношений», связанных с делением преподавательского состава на «стар-

ших» и «младших», можно привести историю с назначением в 1890 г. С.Ф. Платонова на место и.д. профессора. Жена историка, Надежда Николаевна, неустанно фиксировала все перипетии, связанные с этим событием, в своем Дневнике. Приведем лишь небольшой отрывок, связанный с возмущением Н.Н. Платоновой Е.Е. Замысловским, который никак не хотел оставлять место профессора:

«[Замысловский] не думает об отставке и берет на себя магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах; общего курса он никогда (подчеркивание Н.Н. Платоновой. – *Е.Р., Д.Б.*) читать не будет: зачем брать на себя такое тяжелое бремя (его собственные слова). Это бремя всецело ляжет на С[ергея] Ф[едоровича], который понесет на себе, таким образом, главную тяжесть профессорских обязанностей и за это получит 800 р. в год, гонорар и звание приват-доцента, а Зам[ысловский] за магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах, т.е. за легчайшую и лаковую сторону работы, будет носить звание профессора и получать 3000 р. В наших глазах это чистейшая эксплуатация чужого труда. Таким образом, в университете у С[ергея] Ф[едоровича] штатного места не будет, следовательно, Лицей – единственное штатное место его, а при таких условиях Сереже просто жутко уйти оттуда: это значило бы остаться без должности. Вот мы и полагаем, что едва ли можно считать нравственным долгом для С[ергея] Ф[едоровича] оставить единственное остающееся за ним штатное место – только для того, чтобы дать дорогу Шмурло» [24, л. 10–11; 25, с. 281–282].

В этой ситуации нет ничего удивительного в том, что младшие преподаватели университета вместе со своими коллегами из других высших учебных заведений столицы создали в 1903 г. Санкт-Петербургское общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений, которое в период общей либерализации университетской жизни стало организацией, отстаивающей права младших преподавателей [26]. Таким образом, определенное противостояние между «старшими» и «младшими» намечилось и в столичном университете. Первоначальный план предоставления младшим преподавателям права участвовать в работе Совета, выдвинутый в октябре 1905 г., был отвергнут профессорами незначительным большинством (23 голоса против 20) [27, с. 174]. В то же время следует учитывать, что ректор, большинство членов так называемой Советской комиссии (своеобразного президиума Совета) и деканы физико-математического (проф. В.М. Шимкевич) и историко-

филологического (проф. Ф.А. Браун) факультетов поспешили выступить со специальным заявлением, в котором, назвав решение Совета неправильным и нецелесообразным, по существу, потребовали его пересмотра [28, с. 181–182]. Как видно из протоколов заседаний университетского Совета, противниками допуска представителей младших преподавателей в Совет выступали представители старшего поколения университетской корпорации (так называемые заслуженные профессора), в то время как активно действующая профессура, которая находилась под постоянным давлением «приват-доцентов» своих кафедр, в большинстве своем поддерживала реформу. Постепенно давление в пользу «младших преподавателей» усиливалось. В декабре 1905 г. Совет избирал представителей Петербургского университета в комиссию министерства по выработке нового университетского устава – все избранные делегаты находились в числе авторов недавнего обращения в поддержку «младших преподавателей» [29, с. 174]. Неудивительно, что вскоре, в ходе обсуждения в Совете нового университетского устава, его позиция была пересмотрена – согласно протоколу заседания 21 декабря 1905 г. «большинством 17 против 14 голосов Совет признал желательным и целесообразным участие младших преподавателей в Совете» [30, с. 224].

Таким образом, в Петербургском университете противоречия между «старшими» и «младшими» тоже были, однако такого резкого противостояния, как, например, в Москве, здесь не произошло благодаря, по меньшей мере, двум обстоятельствам. Во-первых, состав «приват-доцентской» корпорации здесь был слишком представлен. В нее входили востоковед С.Ф. Ольденбург, историки А.С. Лаппо-Данилевский, М.Д. Приселков, С.В. Рожественский, М.А. Дьяконов, В.Н. Бенешевич, Е.В. Тарле, историк и экономист М.И. Туган-Барановский, филологи Д.К. Петров, В.И. Истрин, С.А. Венгеров, К.Г. Залеман, философы Н.О. Лосский, И.А. Лапшин, петрограф Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, зоолог Н.В. Насонов и другие известные ученые. Многие из них имели ученую степень доктора (при том, что она отсутствовала у ряда профессоров), многие были действительными членами высшего учебного учреждения страны – Академии наук, – поэтому отношение к ним как к «младшим товарищам» для Совета было во всех смыслах затруднительным; а с другой стороны, у таких «младших преподавателей», часто в карьерном отношении состоявшихся и достойно материально обеспеченных, не было необходимости для конфронтации со «старшими». Во-вторых,

в среде «младших преподавателей» доминировали политические настроения, близкие либеральному большинству Совета. Характерно, что при обсуждении будущего университетского устройства «младшим преподавателям» удалось фактически связать проблему расширения собственных академических прав с общей программой либерализации высшей школы [31, с. 170–171].

Завершая тему «старших» и «младших» членов преподавательской корпорации, следует отметить, что, приняв в 1905 г. принципиальное решение о введении представителей младших преподавателей в состав Совета в рамках проекта нового устава, профессора не могли (и, по-видимому, не хотели) разрешить присутствие младших преподавателей в Совете до его введения в жизнь¹. Поэтому, несмотря на благожелательное отношение профессуры к «правам» «младших преподавателей», их реальное влияние на университетскую политику в рассматриваемый период оставалось незначительным. Единственным способом обрести полноценное положение на факультете и в университете было стать «старшим», т.е. профессором, по тем правилам, которые диктовал Устав 1884 г.

В этой связи вновь обратимся к статистическим данным, полученным на основе обработки данных о карьере профессоров и преподавателей университета за изучаемый период [32, 33, 34, 35]. В период с 1884 по 1916 г. на службу поступили 448 преподавателей (абсолютное большинство в должностях младших преподавателей). Для сравнения разделим период на два этапа, продолжительность которых примерно отвечает понятию «поколения» в науке – соответственно 17 и 16 лет: с 1884 по 1900, с 1901 по 1916 г.

По примерным и в силу состояния источниковой базы весьма приблизительным подсчетам, среди вновь поступавших на службу в столичный университет было не менее 23 % выпускников других высших учебных заведений: причем уровень «пришлых» людей постепенно рос (для второго выбранного периода он составил не менее 26 %). Больше всего (28,4 %) «чужаков» было на физико-математическом факультете, затем шел юридический факультет (25 %), исто-

¹ Делегаты Петербургского университета активно выступали за предоставление прав членов Совета представителям «младших преподавателей» на совещании представителей университетской профессуры, проходившем в январе 1906 г. под руководством министра народного просвещения, но эти предложения совещанием поддержаны не были (см.: Труды совещания профессоров, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906. С. 175–214).

рико-филологический (21 %) и восточный, на который в силу специфики и уникальности в России «чужих» попало меньше всего (5,7 %).

Средний возраст прохождения магистерского диспута был довольно высоким – 32–33 года и фактически был неизменным для всего периода и всех факультетов. Средний возраст начала карьеры в столичном университете также являлся довольно высоким – около 34 лет. Интересно, что в отличие от срока защиты время начала университетского преподавания зависело от факультета. Раньше других (в среднем более чем за год до защиты магистерской диссертации) на службу поступали преподаватели восточного факультета, позже всех (в 35 лет) – юристы. За исключением физико-математического факультета, на котором в течение всего рассматриваемого периода средний возраст начинавших карьеру составлял 33,3 года, на других факультетах он существенно вырос: на историко-филологическом – с 32,3 до 34,8, на восточном – с 28,9 до 33,3, на юридическом – с 33,3 до 36,1, а в среднем по университету – с 32,7 до 34,6.

Из 448 поступивших на службу всего 54 (т.е. 12 %) удалось достичь заветной цели – профессорства до 1916 г., хотя, разумеется, среди тех, кто поступил в университет до 1900 г., к 1916 г. этот показатель был заметно выше (22 %). При этом наибольший успех в карьере сопутствовал преподавателям восточного факультета – этого достигли 22 % из поступивших на службу, хуже обстояли дела на физико-математическом факультете (16,4 %), затем следовал юридический факультет (9 %), наиболее острой была конкуренция на историко-филологическом факультете (8,2 %). При этом интересно, что средний срок прохождения «приват-доцентского» этапа именно на этом факультете был несколько ниже, чем в среднем в университете, и составлял менее семи лет (в среднем по университету – чуть более семи). Таким образом, мы не наблюдаем какой-либо корреляции между уровнем конкуренции за профессорское место и сроком ожидания искомой кафедры.

Приведенные данные позволяют сделать предварительные выводы о коллективном портрете преподавательской корпорации столичного университета. С одной стороны, в социальном, религиозном, возрастном, образовательном отношении преподавательская корпорация оставалась стабильной структурой, что, с нашей точки зрения, создавало необходимые предпосылки для корпоративной

солидарности. С другой стороны, Устав 1884 г. предопределил ряд проблем как институционального, так и общественного характера, с которыми университетская корпорация сталкивалась в своем развитии. В числе основных отметим проблему *корпоративного противостояния «старших» и «младших» преподавателей*, которая объективно была порождена ограниченностью числа профессорских вакансий при одновременном бурном росте как студенчества, так и преподавательского состава. Другая, связанная с ней проблема – *конкуренция за профессорское звание*, которое, как правило, можно было получить только после многолетней работы на факультете и которое в конечном итоге все же не получало большинство приват-доцентов (при этом постепенное увеличение доли выпускников иностранных высших учебных заведений в рядах младших преподавателей только обостряло ситуацию). Другая очевидная *проблема – неравенство оплаты факультетских курсов и материальное неравенство факультетов*, закрепленное гонорарной системой, создававшее внутреннее напряжение в корпорации, в том числе внутрифакультетскую борьбу за «обязательные курсы».

Следует отметить, что в общих условиях «борьбы за автономию», которую вела корпорация в конце XIX – начале XX в., решение всех этих проблем было объективно затруднено нежеланием или неготовностью власти по политическим мотивам идти на пересмотр Устава 1884 г. [36, р. 75–121]. В то же время такой политикой власть лишала себя перспективы сотрудничества с преподавательскими коллегами. Например, можно предположить, что одной из причин, по которой младшие преподаватели в своем большинстве составляли наиболее радикальную оппозицию правительственному курсу, было недовольство своим служебным положением, закрепленным действующим уставом, а борьба за автономию в этом контексте воспринималась в определенной степени и как борьба за личное будущее.

Литература и источники

1. Эймонтова П.Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985.
2. Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914. Oxford, 1999.
3. Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln-Weimar-Wien (Bochlau), 1998.
4. Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX века: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве

стве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. Л.Ю. Андруся. М., 2009.

5. *Устав Императорских российских университетов 1884 г.* // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 год.

6. *О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения* // ПСЗ. Собр. III. СПб., 1908. Т. XXV. Отделение I. №. 26692.

7. *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* СПб., 1893. Т. 9.

8. *Отчеты о состоянии Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1916.* СПб. [Пг.], 1884–1916.

9. *Журнал заседания Совета Санкт-Петербургского университета.* 14 декабря 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–88 академического года. СПб., 1888. № 37.

10. *Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета.* 17 октября 1888 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1888 г. СПб., 1889. № 39.

11. *Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.* / Под ред. экстраорд. проф. Н.А. Бушакова. СПб., 1912. Отдел XI. Личный состав.

12. *Tolz Y. Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial* // *The Historical Journal* (2005), № 48 (1).

13. *Nathans, Benjamin. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia.* Ewing, NJ, USA: University of California Press, 2002.

14. *Будницкий О. В чужом пиру похмелье (Евреи и русская революция)* // Вестник ЕУМ (Еврейского университета в Москве). 1996. № 3 (13).

15. *Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности его ученого сословия за 1883 год, читанный на акте 8-го февраля 1884 года.* Ординарный проф. Ю.В. Сохоцкий. СПб., 1884.

16. *Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 г. С приложением речи ординарного профессора В.П. Васильева.* Составлен орд. проф. Ю.Э. Янсоном [СПб., 1883].

17. *Журнал экстренного заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета.* 29 января 1901 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1901 г. СПб., 1902. № 57.

18. *Свод Законов 1893 г. Т. XI. Ч. I. Ст. 512. С. 83–84; по вопросу об улучшении материального положения приват-доцентов Императорских университетов, циркуляр, 21 марта 1916 г., № 3238* // Циркуляр по Петроградскому учебному округу за 1916 г. № 4. Апрель.

19. *Крачковский И.Ю. Впервые оппонентом на диссертации* // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. Т. 2.

20. *Журнал заседания Совета Московского университета.* 2 января 1906 г. // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 97.

21. *Проект университетского устава, выработанный Советом Императорского Московского университета* // Там же

22. *Зацепя Г. Пасынки университета. Материалы о положении в университете младших преподавателей.* М., 1907.

23. *Кольцов П. К университетскому вопросу.* М., 1909

24. *Дневник Н.Н. Платоновой.* 27 августа [1890 г.] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д. 5691.

25. *Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамоиной) как источник по истории исторической науки* // *Времена и судьбы: Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха* / Отв. ред. В.Г. Воина-Лебедева. СПб., 2006.

26. *Устав С.-Петербургского общества взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений.* СПб., 1905.

27. Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета. 31 октября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906.
28. Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета. 12 ноября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906.
29. Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета. 17 декабря 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906.
30. Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета. 21 декабря 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906.
31. [Обращение общего собрания младших преподавателей С.-Петербургского университета 18 октября 1905 г.] // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906.
32. Список профессоров и преподавателей факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг., [1917]. 35с.
33. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета 1819 года. Пг., [1916]. 63 с.
34. Список профессоров и преподавателей физико-математического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года [Пг., 1916]. 63 с.
35. Список профессоров и преподавателей юридического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года [Пг., 1916]. 45 с.
36. Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2.

С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых

**«ИНСТИТУТ ПРОФЕССОРСКИХ СТИПЕНДИАТОВ»
КАК МЕТОД ПОДГОТОВКИ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ
УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(на примере Императорского Томского университета)**

В дореволюционной России не было единой системы научной аттестации, которая бы строилась на общих критериях. Советам факультетов российских университетов разрешалось присваивать после защиты соответствующих диссертаций ученые степени магистров и докторов по одному из 39 разрядов наук. Правда, порядок присуждения ученых степеней в определенной степени регулировался «Положением об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» от 4 января 1864 г. и «Общим уставом Императорских Российских университетов 1884 г.», а порядок испытания на ученую степень доктора медицины определялся «Уставом врачевным» [1. Ст. 595–618].